

АРМЯНЕ-РЕПАТРИАНТЫ: СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Мое исследование проводилось в Армении и было посвящено репатриантам с Ближнего Востока, которые идентифицируют себя как армяне. Их предки бежали с территории Западной Армении в период геноцида армян в начале XX века. Социализация нынешних репатриантов прошла в контексте перманентного воспроизводства этнических границ, и теперь, вернувшись в Армению, они также ощущают границу между собой и «армянскими армянами». Вопрос, на который я пыталась ответить в исследовании, — каким образом сохранилась и продолжает сохраняться «армянскость» данной группы, каков тот код армянской этничности, которым она себя описывает, и чем он отличается от кода, используемого армянами, постоянно проживающими в Армении.

Исследование проводилось в рамках феноменологического подхода, согласно которому идентичность рассматривается как часть жизненного мира, то есть как intersубъективно разделяемый опыт повседневной жизни, система смыслов¹. Идентичность, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, формируется социальными процессами и однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, изменяется или даже переформируется социальными отношениями².

Антрополог Ф. Барт определяет идентичность как самоприписываемую категорию — «осознанное поле коммуникации и взаимодействия, основанное на идентификации себя в качестве отличающегося от других»³. Самоидентификация происходит в диалектической взаимосвязи с внешней идентификацией, и, однако, это не приводит к их слиянию. В повседневной жизни люди идентифицируют и категоризируют других, относя их таким образом к «своим» или «чужим». Границу между «нами» и «ними» и универсальное сопоставление с «чужаком» антрополог Дж. Армстронг называет этническим ис-

¹ Об основах феноменологических воззрений см. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОС-СПЭН, 2004. С. 456-532, 687-1022; Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987. В современной социологии данный подход развили П. Бергер и Т. Лукман, разработав теорию социального конструирования реальности. См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 280.

³ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Барта Ф. М.: Новое издательство, 2006. С. 15.

ключением и считает его основным понятием в теории этничности⁴. Основную роль в поддержании этнической идентификации Армстронг отводит символам, которые «действуют как пограничники»⁵, отличающие «нас» от «них».

Так как типы идентичности, сконструированные социальными структурами и принятые в процессе социализации, проявляются в индивидуальных случаях, мы и обратились к изучению отдельно взятых жизней и судеб. Полевые данные были собраны в Ереване летом и осенью 2006 года методом индивидуального глубинного интервью. Было проведено 16 интервью с репатриантами, приехавшими в Армению с целью проживания или учебы. Респонденты представляли несколько стран Ближнего Востока: Сирию, Ирак, Иран, Ливан. Это студенты вузов, занятые в сфере услуг и бизнесмены в возрасте от 21 до 34 лет. Среди респондентов было шесть женщин и десять мужчин. Дополнительно было проведено шесть бесед с местными армянами. Анализ интервью дополнялся наблюдениями, анализом записей из социологического дневника.

В данной статье обсуждаются социальные формы, механизмы организации этнических границ и их воспроизводства как институционального, так и неинституционального характера. Будут описаны те критерии, по которым определяется принадлежность того или иного индивида к армянской этничности, коды этничности, то есть способы сигнализирования о включенности/исключенности из группы. Также мы рассмотрим, какое влияние оказывают различные условия социализации на смыслы этих кодов.

1. Потомки Айка...

Из анализа интервью очевидно, что первым по значению маркером «армянства» для репатриантов является кровное родство с другими армянами, наличие общего предка (*«мои родители — армяне», «у меня армянская кровь»*). В качестве общего предка выступает мифологизированный персонаж Айка⁶. Миф об Айке и Белле — история о зарождении армянской нации, является общим для армян, проживающих в Армении, и для армян, проживающих в диаспоре. Эта мифология — мощный фактор, способствующий созданию чувства

⁴ Цит. по: Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 330-359.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Айка — главный персонаж армянского мифа о происхождении этноса. Он восстал против Белла и не подчинился его требованиям смириться. В битве Айка поразил Белла своей стрелой.

«общности», так как она основана на вере в передаче этничности через кровное родство.

Однако данный идентификатор по-разному проявляет себя как «пограничник» у местных армян и у репатриантов. «Местные» считают человека армянином при наличии любого кровного родства с армянами, даже если после этого предка было несколько поколений смешанных браков. Патриархальный принцип наследования этничности также потерял свою строгость. «Пограничник» на этнической границе у репатриантов более строг: армянин — тот, чьи родители армяне. Одни из информантов с иронией заявил:

Здесь принято искать в известных людях армянскую кровь,.. но он какой армянин?.. Там армянской крови не осталось (м., 34 года).

В восприятии репатриантов армянин для сохранения своей этничности должен заключать моноэтнические браки, что является нормой в общине репатриантов. Со слов репатриантов, их связывают тесные дружеские отношения с местным населением, арабами, но заключение смешанного брака не приветствуется. За этим могут последовать санкции вплоть до «изгнания» из общины:

Если я увижу девушку-армянку с арабом, я к ней подойду, поговорю (объясню — З.А.), но если узнаю, что вышла замуж, больше общаться не буду,.. да и никто не будет... армянская девушка так не поступит... нас и арабы уважают за наши порядки (м., 26 лет).

Таким образом, существует социальный контроль над сохранением эндогамии в этнической общине и механизмы санкционирования в случае ее нарушения. Подобные правила есть ответ на постоянную угрозу этнической ассимиляции.

2. Язык

Репатрианты говорят на западноармянском диалекте, тогда как в Армении местные жители употребляют восточноармянский диалект. Они частично и незначительно отличаются друг от друга грамматикой и лексикой. По крайней мере, говорящие на разных диалектах без труда понимают друг друга. Но эта разница сразу же определяется на слух и является одним из маркеров субэтничности:

Даже если я захотел бы скрыть, что я из Ливана, не смог бы. Стоит мне произнести даже одно слово, и всем все становится ясно (м., 22 года).

Для репатриантов армянин — это тот, кто говорит на армянском языке⁷, причем после критерия кровного родства, это самый важный критерий самоидентификации, а также приписывания «армянскости» другим. Репатрианты приравнивают этничность и сохранение языка и считают отказ от армянского языка предательством своей этничности:

У нас если в школе ты сказал слово не на армянском языке, учитель на тебя косо посмотрит... (м., 21 год).

Дома говорим только на нашем языке, друг с другом тоже... даже арабы, которые с нами дружат, говорят на армянском (смеется) (м., 26 лет).

Если родители армяне, но он говорит на арабском, [значит] он не хочет быть армянином (м., 22 года).

В диаспоре строго следят за воспроизводством языка и его чистотой. В Армении распространены шутки относительно того, что западные армяне, отказываясь от употребления иностранных слов и стремясь перевести их на армянский, придумывают слова с тремя, четырьмя корнями. Хотя здесь больше вымысла, чем правды, это отражает стремление репатриантов оградить язык от инородного влияния, придать ему сакральный статус, претендуя на большую близость к предкам и, соответственно, на «истинную» «армянскость»:

Какие могут быть претензии к западноармянскому? Мы сохранили чистый армянский язык. Наши деды, родители следили за чистотой языка в диаспоре, а в Армении язык превратился... не знаю... эти русские слова... (ж., 20 лет)

Западноармянский язык более подходит армянину, больше сохранил армянскость... Мы говорим на чисто западноармянском, а здесь говорят... на русском говорят, смешанном с восточноармянским, я очень мало встречал людей, кто бы говорил

⁷ Подробнее о роли языка в конструировании этничности в социологических концепциях см. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 20-48; Фишман Дж. Современные споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Там же. С. 132-140.

на чистом восточноармянском языке... здесь армянин с высоким уровнем, говорит на русско-армянском, а у нас настоящий армянин говорит на чистом армянском языке (м., 26 лет)⁸.

Именно отношение к языку является одним из факторов сохранения и поддержания субэтнических границ. О разнице в отношении к языку репатриантов и местных армян говорит и сопоставление литературного и разговорного языка в диалектах. В случае с восточноармянским диалектом разница столь существенна, что общественность в современной Армении поднимает вопрос о языке как национальную проблему. Разговорный западноармянский же, со слов респондентов из Сирии и Ирака, не слишком отличается от литературного.

Некоторые репатрианты после приезда в Армению работали над своим языком, стремясь приблизить его к местному диалекту, другие, наоборот, умышленно усиливали отличия: «Я стараюсь говорить на местном армянском языке, хотя хотелось бы, чтобы оба языка воспринимались как одинаково родные, ведь это армянские языки», — заявил один из респондентов (м., 32 года), говоря об отношении к диалектам обеих обсуждаемых нами групп.

Для большинства репатриантов говорить на местном диалекте оказалось достаточно сложно. Те, кто приехал учиться, поступали сначала на подготовительный факультет для иностранных студентов Ереванского государственного университета, после чего они смогли учиться в вузах страны:

Для меня не было проблем, я от мамы слышал восточноармянский, а вот для других, кто приехал, восточноармянский - как китайский, первый месяц сложно (м., 26 лет).

Следует отметить, что именно русизмы, так широко употребляемые в разговорном восточноармянском языке, делают его непонятным для владеющих западноармянским. Некоторые респонденты адаптируются к среде, употребляя русские слова, пытаясь сгладить языковую границу, что показывает интеграционный потенциал группы. Символическая система языка адаптируется в новой социальной и языковой среде, и появление русизмов в языке мигрантов, даже тех, кто ратует за сохранение чистоты языка, это наглядно демонстрирует. Хотя, в общем, отношение репатриантов к русизмам двоякое: с одной стороны, многие употребляют их, как сказал один из респондентов, из-за отсутствия в армянском языке смыс-

⁸ Хотелось бы здесь отметить, что респондент сам употреблял русизмы, по всей видимости, не отдавая себе в этом отчета.

ловых аналогов, с другой стороны — они относятся враждебно к проникновению русизмов в армянский язык.

Интересно то, что если для репатриантов язык является вторым после родства маркером этничности, то для местного населения вторым признаком является религия, а язык рассматривается как важный, но не главный элемент «армянскости». «Что же, если мои племянники не знают армянского, они живут в Москве, то они не армяне?» — рассуждает одна из местных жительниц. Это показывает, каким образом социальные условия влияют на конструирование этнических границ. Если для репатриантов в диаспоре язык — это единственный четкий внешний маркер идентичности, то для Армении, где интеллигенция частично русскоязычная, и во многих семьях один или несколько мигрантов, уже утративших язык, приписывание языку значения основополагающего признака этничности приведет к исключению из «своих» многих близких людей.

Консервация языка и его доминирование как идентифицирующего маркера у репатриантов (как и подчеркивание «чистоты крови») обусловлено тем фактом, что этническая группа, пытаясь сохранить свои этнические границы и противостоять ассимиляции и аккультурации, проявляет черты консерватизма, начинает «вариться в собственном соку» и воспроизводить собственные границы. Отсюда рождается пренебрежительное отношение к местным армянам, у которых не наблюдается проявления защитной функции в такой же степени в силу отсутствия непосредственной угрозы ассимиляции и преобладает гибкость и открытость к заимствованиям.

3. Религия

Религия является важным элементом в системе этнического кодирования. Проведенные интервью с «местными» показали, что для того, что бы быть признанным со стороны местного армянского сообщества «своим», индивид должен быть, а вернее «называться», христианином, хотя бы внешне обозначать свою принадлежность к христианству. Для местных армян знание языка, письменности, «чистокровность», знание истории страны, факт проживания в Армении — критерии второго порядка⁹. Для репатриантов же ре-

⁹ Следует заметить, что мы говорим о ранжировании критериев, представленном самими респондентами. Естественно, речь идет о «проговариваемых», а следовательно, первично осознаваемых критериях. Как и у любой примордиальной группы, первичный критерий принадлежности — это кровное родство, но, как мы заметили выше, значимость степени этого родства может быть различной. Для местных армян «родство» (но без требования «чистокровности») — критерий настолько естественный, что не артикулируется, а является «фоновым знанием».

лигия — это либо второй после прямого кровного родства, либо, чаще, третий (после родства и языка) по значению маркер этничности. Причина этого, как нам кажется, кроется в конфессиональной неоднородности диаспоры. Например, если армяне из Ирака принадлежат к Армянской Апостольской Церкви, то сирийские армяне — католики.

Местные армяне людям из этнической «мы-группы» *автоматически* приписывают принадлежность к христианству, так как иные варианты ими просто не «рассматриваются». Если армянин — значит, христианин. В то же время религиозность «местных» несколько особенна, они религиозны больше по форме, не по содержанию. Хотя религиозная характеристика производна от этнической характеристики, конфессиональная принадлежность проявляется не столько в религиозных практиках, сколько в этнических. Религиозные практики трансформировались, и, оставаясь таковыми по форме, приняли этническое содержание. Крест не есть религиозный символ, а отличительный знак армянина, церковь не есть храм божий, а культура, история страны, крестины — не ритуал освящения, а культурный образец групповой жизни армянина, христианин не есть отражение конфессиональных взглядов, а имя — имя армянина. Они не отражают религиозную реальность, а маскируют ее отсутствие. На самом деле, религиозные знаки-симулякры отражают реальность этническую, так как содержание всех знаков опосредуется и *значимо* именно в реальности этнической. Религия как совокупность перечисленных выше знаков становится лишь *именем*, именем без религиозного содержания, именем армянства.

Именно это отождествление этничности и конфессии, с одной стороны, и декоративность религиозных практик, с другой, отличает местных армян от репатриантов:

Здесь все считают себя христианами, а сами в церковь ходят полуобнаженными (с непокрытой головой и плечами — З.А.), не знают ни одной молитвы (ж., 20 лет, репатриантка).

Репатрианты отличаются большей религиозной грамотностью и большим следованием церковным канонам, так как жизнь в диаспорах во многом регулируется церковью (церковь, например, организует школьное обучение), и именно вокруг церкви как института объединяется этническое сообщество. Церковь в диаспорах даже наделена правом выдавать справки о принадлежности человека к «армянам», т.е. официально утверждать его этничность, и это слу-

жит достаточным основанием, чтобы армянское государство (посольства) также признало это определение (см. об этом в разделе о гражданстве).

Христианство является для репатриантов также важным маркером «своей» группы, помогая противостоять ассимиляции в мусульманских обществах:

Наша церковь и наша религия помогла нам выжить среди арабов-мусульман (м., 32).

Нужно отметить, что среди армян диаспоры есть не только последователи Армянской Апостольской Церкви, есть, например, сирийские армяне-католики, некоторые армяне были обращены в мусульманство, есть атеистическая молодежь. Тех армян, которые приняли мусульманство (сделав важный шаг на пути к ассимиляции), община осуждает:

...Из моих знакомых никого таких (поменявших конфессиональную принадлежность — З.А.) не было, но слышал я о таком случае. Парень один сменил религию, чтобы жениться... это очень осуждается всеми... Я?... да я тоже это не принимаю: если ты армянин, то должен быть христианином... поймите меня правильно, я не против мусульман (м., 34 года).

В.: Как вы относитесь к мусульманам?

О.: Очень терпимо. Мы живем среди иранцев, они мусульмане, мы должны считаться с их религией... они очень мирный народ... у каждого свой выбор... надо его уважать.

В.: А если армянин сменит религию и станет мусульманином?

О.: Это его дело... Но я не буду с таким человеком общаться... я о таком не слышал... Это у вас здесь очень много сект, все меняют религию... я этого не принимаю... настоящему армянину это не подходит (м., 34 года).

Как видим, религиозная толерантность, свойственная репатриантам, распространяется на «неармян», тех, кто родился в другой культуре и исповедует религию своих предков. Армянин же не может нарушить традицию и иметь другую конфессиональную принадлежность, кроме христианства. Такое же полное непонимание и неприятие смены конфессии «армянами» характерно и для населения

Армении, потому что это нарушает консолидированность этнической идентичности, неотъемлемой частью которой считается конфессиональная принадлежность.

4. Гражданство

Мы говорили об идентификации в контексте ее двусторонности: самоидентификации и идентификации извне другими группами. Но есть еще один ключевой вид внешней идентификации, который не имеет эквивалента в области самоидентификации: формализованные, кодированные, объективированные системы категоризации, выработанные властными институтами¹⁰. Государство располагает правом присваивать имя, идентифицировать, категоризировать, и в этом смысле государство является одним из самых важных агентов идентификации. С другой стороны, индивид может определять собственное отношение к приписываемому ему ярлыку. Речь идет о формировании самоидентификации в диалоге с государством. К этим вопросам мы и обратимся в данном разделе и обсудим, какое место занимает гражданство в идентификационной структуре наших информантов.

Никто из репатриантов, с которыми довелось встретиться, не изменил гражданство своей страны на гражданство Республики Армения. По моим наблюдениям, это является типичной стратегией репатриантов. Большинство информантов говорили о неважности или нецелесообразности принятия армянского гражданства, разделяя высоко ценимую ими «армянскость» и не очень надежное государство. Акцент на политической неустойчивости и правовой слабости государства и, соответственно, тех гарантий, которые оно в состоянии дать, — типичная аргументация отсутствия армянского гражданства:

У меня нет гражданства Армении, мне и не нужно. Армения — слабое государство, неустойчивое, и я не могу рисковать будущим моих детей. К тому же, они могут получить образование вне Армении в будущем, а это всегда ценится (м., 34 года).

Для меня Ливан — вторая родина, и она мне многое дала, я всю свою жизнь прожил там. И все сразу перечеркивать...

¹⁰ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. <<http://identities.h15.ru/readings/nartova1.htm>> (29. 11. 2006)

Это (сохранение гражданства Ливана — А.З.), может, как страхование (м., 28 лет).

Другой респондент аргументировал нежелание менять гражданство сложностями с получением визы в страну, из которой приехал:

У меня там остались мои родители, я постоянно к ним летаю. Зачем мне нужны лишние сложности с оформлением визы? Я как гражданин Сирии летаю без лишних проблем (м., 32 года).

Компромиссом между сохранением гражданства страны эмиграции и желанием быть признанным армянским государством как армянин является получение «армянского паспорта», выдаваемого на основе церковных записей:

Паспорт может получить любой армянин в посольстве, надо только предъявить бумагу, что ты армянин. Эту бумагу можно в церкви получить.

В.: Что за бумага? Откуда?

О.: Что ты армянин. Когда рождается ребенок, его обязательно крестят в армянской церкви. Делается запись в книге, по этой книге и определяют (м., 32 года).

Паспорт дает достаточно прав, чтобы не чувствовать себя в Армении иностранцем, а право защищать родину и голосовать представляются информанту сомнительными привилегиями:

Зачем мне гражданство? У меня есть армянский паспорт. С этим паспортом я равен со всеми гражданами Армении, я могу вести бизнес... У меня нет только права голосовать, и я не должен служить в армии (смеется). Служить мне и не надо, а выборы, сами знаете, какие в Армении, чтобы еще идти и голосовать. Да и мой один голос...

Таким образом, принадлежность к национальному армянскому государству как код «армянскости» у репатриантов не работает, вернее, он сознательно игнорируется, т.к. для этого есть веские прагматические мотивы. Для них границы «армянскости» — этнические и не отягощены гражданскими, политическими смыслами. Однако как показывает реакция на внесение изменений в конституцию, предпо-

лагающих право на двойное гражданство, гражданство «исторической родины» вскоре может также войти в список этнических идентификаторов и стереть одну из границ между репатриантами и «их народом»:

Я очень хочу иметь армянское гражданство и рад, что в конституцию внесли изменения, и армяне со всего мира смогут, наконец, стать гражданами на своей исторической родине.

В.: Если вам не нужно гражданство сейчас, то зачем же вам оно нужно, если будет двойное гражданство?

О.: Я хочу быть со своим народом, армянами. Но и меня поймите, надо же и как-то жить (м., 32 года).

...Я пока не могу иметь армянское гражданство, но хотел бы... что бы дало? Чувство, что у меня в кармане армянский паспорт, это что-то духовное...когда говорим по-армянски, то чувствуем себя хорошо, если у меня документы будут армянские, тоже будет хорошо (м., 26 лет).

Как видно, гражданство стран, из которых прибыли респонденты, воспринимается в контексте обеспечения каких-либо прав и гарантий, а также определенного «запасного варианта». Принятие армянского гражданства рассматривается как символический акт, не несущий на себе никакой гражданственной, политической, смысловой нагрузки. Это скорее акт этнической солидарности (стать гражданином своей исторической родины, быть вместе с армянским народом). Это еще раз подтверждает историко-культурную характеристику армянской идентичности репатриантов, в которой элемент национальной идентичности, то есть гражданской, принимает, по сути, содержание элемента этнического.

Интересно, что и местное население не воспринимает гражданство как значимый элемент этнической идентификации¹¹. Маркер гражданства рассматривается местными жителями как избыточный либо незначимый, что отражает картину коллективных представлений местных армян относительно индифферентности по отношению к гражданственности, гражданской идентичности.

С точки зрения интеграции репатриантов в армянское общество, низкая значимость для них гражданского статуса не является проблематичной в данном социально-историческом контексте, так как на-

¹¹ Подробнее см. Айрапетян З. Множественность армянской идентичности как совокупность дискурсивных практик. Магистерская работа по социологии. Ереванский государственный университет, 2006 (рукопись).

циональная идентичность у местного населения также слаба. Дискурс об армянской этничности у местного населения является историко-культурным, полным обращений к прошлому, мифологии, символам, религии и не включающим аспект взаимоотношений с национальным государством (будь то голосование на выборах или служба в армии). Именно поэтому историко-культурные маркеры этничности объединяют местных и приезжих армян, и отсутствие гражданства не является разделительной чертой между ними.

5. Мифология

Мифологизация является социальным механизмом воспроизводства этничности и также одним из элементов ее кодирования, так как мифологические конструкции — это легитимации, поддерживающие определенные коллективные представления¹². Как показало наше исследование, у репатриантов из разных стран Ближнего Востока существует ряд общих мифов, усвоение которых сопровождается становление «армянина».

Первый — миф о родине, где жили предки. Страна, которую репатрианты до приезда в Армению знали лишь по рассказам, описывается «святой», родина отождествляется с конкретной территорией, ландшафтом, почвой:

...Меня с детства воспитывали в любви к родине, рассказывали о том, что там мой настоящий дом, там могилы моих предков, там хоть и не на самой земле, но рядом наша святая гора, Арарат, где находится Ноев ковчег, откуда и началось армянство. Родители и бабушка не раз говорили мне, что для того, чтобы почувствовать себя настоящим человеком, армянином, нужно обязательно увидеть Арарат (м., 34 года).

...Наши бабушки и дедушки всегда говорят: «Поедем в Армению, чтобы увидеть наш Арарат, Масис¹³...» (м., 22 года).

...Я знаю одно, что родина — это святое, и неважно, кто и как тут будет жить,.. вы не поймете, мы там только этим и живем. Если собираются несколько человек за столом, обязательно вспоминают о родине (м., 21 год).

¹² Подробнее см. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

¹³ Масис — армянское название горы Арарат.

...Мы там знаем, что наша родина прекрасна, что прекрасен каждый камень на нашей земле, что самое большое счастье — это жить на родине или хотя бы быть на родине похороненным (ж., 20 лет).

...У нас в первом классе преподаватель ученику так объясняет: «Если в Армении ты ешь мороженое, и оно упало на пол, то ты можешь поднять мороженое и продолжать его кушать, потому что родная земля — святая»... Поэтому все мечтают приехать в Армению, на родину (м., 26 лет).

Таким образом, родиной репатрианты считают свою историческую родину, Армению, которая идеализируется, мифологизируется. Так как миф базируется на редукции реальности, родина представляется в рассказах респондентов как рай. Миф об «Айренике» (родине) можно сравнить с мифом об идеальном городе, который как структура является архетипичным мифом, присущим человеческому сознанию и трансформирующимся во времени. Родина-Армения для репатриантов — это в большей степени идея, а не реальная страна с ее населением, подтверждением чему являются слова одного из репатриантов:

...Я не из-за народа здесь живу, я из-за своей земли сюда приехал и живу (м., 26 лет).

Интересно, что одним из географических символов родины является гора Арарат, которая, как известно, находится за пределами Республики Армения, что делает Армению как родину еще более символическим образованием, нежели реальным.

Ассоциации родины с местом проживания предков настолько сильны, что в ареал родины включается даже территория враждебной ныне Турции:

...Моя родина - это Тцовиц Тцов Хайастан¹⁴, в моих мечтах, конечно, а мечты — это то, что не исполняется, но это моя мечта... Если я поеду сейчас в Турцию, кости моего дедушки там находятся, там мой дом, и никакой восточный армянин не может это сказать... Армения — часть моей родины (м., 26 лет).

¹⁴ В переводе с армянского это означает «Армения от моря до моря». Во времена одного из армянских царей, Тиграна Великого (95-55 до н.э.), Армения занимала территорию от Черного моря до Средиземного.

Это очень хорошо иллюстрирует символизацию и мифологизацию родины: это не реальная Армения, а Армения «историческая». Интересно, что у местных армян наблюдается аналогичная картина. Дискурс о родине как «Тцовиц тцов Хайастан» включает города и территории, ныне находящиеся вне границ Армении, такие, как Арарат, Ани, Киликия и т.д.¹⁵

С мифом родины тесно переплетается миф о возвращении. Одна из информанток поделилась со мной своей мечтой:

Моя самая большая мечта знаешь какая — чтобы каждый армянин, даже тот, кто живет в Америке, хоть через сто лет, но вернулся в Армению, все вернулись (ж., 23 года).

По словам репатриантов, разговоры о «возвращении» были постоянными в их семьях и школах. О необходимости возвращения говорят учителя, родители:

...С детства, с малых лет патриотизм в нас рожден... Конец всего — это Армения, ты должен ехать в Армению жить (м., 22 года).

Не будем забывать, что миф, будучи логическим инструментом разрешения противоречий, ликвидации или смягчения существующих разрывов в понимании бытия, играет инструментальную роль — он обслуживает конкретную задачу¹⁶. Кропотливая работа по поддержанию этничности объясняется необходимостью быть готовыми к возвращению. Миф о возвращении в «идеализированный рай», на родину — логический инструмент, решающий задачу предназначения этничности, отвечающий на экзистенциальный вопрос человека о смысле жизни на уровне группы: «Конец всего — это Армения».

6. Институты воспроизводства этничности

В диаспоре действуют хорошо отлаженные механизмы воспроизводства этнической идентичности, формирования этнических кодов. Обратимся поочередно к нескольким из них.

¹⁵ Подробнее см. Айрапетян З. Множественность армянской идентичности как совокупность дискурсивных практик.

¹⁶ Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. Малашенко А. и Олкотт М.Б. М.: Гендальф, 2000. С. 14.

Армяне, оказавшись в странах Ближнего Востока преимущественно после геноцида 1915 года или, как говорят сами информанты, резни (джард), избрали в зависимости от количества эмигрантов и страны эмиграции различные формы коллективного существования, однако во всех случаях организация пространства и, главное, времени, в частности свободного, способствует поддержанию этнических границ. Пространственная локализация общины в пределах определенных улиц позволяет легче сохранять этнические границы, и там, где общины большие и влиятельные, наблюдается подобное расселение. Например, в Алеппе (Сирия):

... У нас по улицам: это улица армян, это их улица (арабов — З.А.)... Если ты идешь по нашей улице, ты себя совсем не чувствуешь в Сирии... Все говорят по-армянски, на магазинах все написано по-армянски... Но если поедешь в Дамаск, там не так, потому, что там меньше армян (м., 34 года).

Но и жить смешанно с местным населением, арабами, не значит ослабить «охрану» своих границ. Все свободное время человека распределено таким образом, что он постоянно вовлечен в организации различного рода, призванные воспитывать этничность. Респонденты рассказывали о хороших отношениях с соседями-арабами, но отмечали, что свободное время проводят не в их окружении.

Какие же существуют институциональные и не институциональные механизмы воспроизводства этничности?

Я был членом N организации, там мы и учились, и ходили в походы, проводили различные мероприятия. Я даже пел в хоре при N...

В.: А что собой представляет данная организация?

О.: Это похоже на скаутские организации (м., 32 года).

В основном, все, что я знаю об Армении, знаю из школы. Родители тоже рассказывали, но больше об истории. А вот армянскую литературу уже читал в школе и про Армению больше узнал из школы, о природе, о городах, о современной истории (м., 32 года).

...Мы там очень патриотическими были, национальные, армянские песни слушали, пели... у нас есть объединения... «Дашнакцутюн»... мы там его члены... и там все время — «родина, родина, родина» (ж., 20 лет).

Все свободное время мы проводим в объединениях, другого свободного времени нет... Объединений вообще два — «Дашнакцутюн» и «Барегортцакан» (благотворительный)... «Барегортцакан» не имеет отношения к политике, это не партия, а «Дашнакцутюн» — это партия... Мы там поем, у нас хор, танцуем, у нас есть театр, там мы знакомимся, общаемся... я член «Барегортцакана» (ж., 20 лет).

Важным событием, которое является ключевым для мифоистории группы, является геноцид 1915 года. Говоря об особенном значении геноцида для западных армян, один из респондентов замечает:

Часто люди собираются, чтобы пообщаться, и обязательно как-нибудь да начнут говорить о геноциде, тем более если много собирается людей, обсуждают последние новости в мире, последние действия диаспоры... диаспора очень многое делала для признания геноцида... все, чего добились мы на сегодня (в этом вопросе — З.А.), это благодаря диаспоре (ж., 31 год).

Я увлеченно слушал рассказы бабушки (о геноциде — З.А.) в детстве, это как сказка ребенку перед сном...

В.: А своему ребенку вы об этом рассказываете?

О.: Конечно, не так часто, как моя бабушка рассказывала, но рассказывал, иногда он сам меня спрашивает, что-то забудет, а как по телевизору что-нибудь услышит, начинает переспрашивать (м., 32 года).

Сказка ребенку перед сном... Респондент сам, наверное, не понял, что он сказал. Но так же, как через сказки дети усваивают ценностные представления и поведенческие паттерны, так и истории, рассказанные в семье, становятся «учебником по формированию идентичности».

Интересен еще один случай символического воспроизводства идентичности у детей, описанный одним из респондентов:

Вы не можете себе представить, насколько у нас все это в крови... сыну рассказывал легенду об Айке и Белле, смотрю — бегают, прыгают, посмотрел повнимательнее — он играет, он Айк, и есть невидимый Белл (м., 32 года).

Такой код этничности как общий предок в форме мифа воспроизводится ребенком в игровой форме и закладывается в его сознании. Мы на полевом материале показали, как мифы формируют у членов группы осознание «общей судьбы», которое подчеркивает сплоченность индивидов перед внешней силой, то есть усиливает особенности восприятия границы.

Обобщая представленный материал, можно сделать вывод, что воспроизводство мифологизированных представлений об этничности и исторической родине происходит с использованием двух типов механизмов. Во-первых, активно работают институциональные механизмы: церковь, школы и различные организации («Дашнакцутюн», «Барегортцакан») выступают в качестве институциональных структур, которые функционально направлены на воспроизводство этничности. В некоторых случаях школы находятся при церквях, и соответственно их задачи усложняются.

Передача мифологизированных коллективных представлений неинституциональным путем происходит через устные истории, передающиеся из поколения в поколение и являющиеся важным элементом первичной социализации. В основном, источником знаний респонденты называли бабушек и дедушек, реже родителей. Как отмечает А. Акопян, «конструирование этничности с помощью семейных преданий и воспоминаний... вообще свойственно разным проявлениям армянской идентичности»¹⁷.

Как мы видели, церковь и религия играют большую роль в формировании границ армянства в диаспоре. Здесь уместно вспомнить понятие символической коммуникации Армстронга. Именно посредством символической коммуникации церковь обеспечивает формирование «мифов» и «мифо-символических комплексов», а также их распространение среди широких слоев населения и воспроизводство во временной перспективе, оказывая влияние на групповую идентичность. Религиозная функция церкви отходит на второй план. Это своего рода место встречи «армян», место обмена информацией.

Но у церкви есть еще и другая функция:

...Для нас церковь — это как для вас государство... Как Армения не может без государства, так и у нас без церкви армяне не смогли бы жить... Самое меньшее — жениться, разводиться, если кто-то умер, делить его деньги и в этом роде, у нас государство это оставило (переложило — З.А.) для армян на церковь... Церковнослужитель для нас — это как президент,.. все серьезные вопросы решает церковь (м., 26 лет).

¹⁷ Акопян А. Татоязычные армяне: 15 веков от армянства к армянству // Южный Кавказ: Территории. Истории. Люди. / Под. ред. Герасимовой Е., Лежава Н. Тбилиси: Фонд им. Генриха Белля, 2006. С. 196.

Церковь сопровождает диаспоральных армян на протяжении всей их жизни посредством различных символических ритуалов. Одним из ритуалов, с помощью которых церковь воспроизводит армянскую этничность, является «крещение». Процедура «крещения» *обязательна* для армянского ребенка как своего рода «подтверждение» статуса армянина. Таким образом, государство делегирует церкви часть своих обязанностей, что для данного государства есть механизм уменьшения социального напряжения, а для армян становится еще одним фактором, способствующим укреплению границ.

Если армянское государство как бюрократическая система кодификации воспринимается безразлично, оно ассоциируется лишь с ограничением прав и свобод без каких-либо гарантий прав, то такая бюрократическая система как церковь в контексте своей исторической и культурной функции проявляет себя как активно действующая и значимая структура категоризации армян.

Заключение

Этническая идентичность рассматриваемых групп формировалась в разных структурах повседневности. Как нам видится, основным отличием была социализация репатриантов в непосредственном окружении «чужих» на чужой земле, в то время как местные армяне свое представление об этничности приобрели на своей исторической родине, в преимущественно моноэтническом обществе. Именно это оказало решающее влияние на различия в смысловом восприятии армянской идентичности, в структуре ее кодов. Очевидно, что у репатриантов «образцы групповой жизни», как сказал бы Шюц, отвечающие за воспроизводство этничности и контролирующие данный процесс, более формализованы. Этничность воспроизводит целый ряд институтов — церковь, общественно-политические организации, образовательные учреждения. Именно социализация в условиях постоянной угрозы к ассимиляции и потребность постоянно воспроизводить свои этнические границы привели к консервации языка и его сакрализации, к устойчивому предпочтению моноэтнических браков, к мифологизации родины и более острому переживанию мифоистории народа. Мы показали, как две группы с одним этнонимом, «носящие» формально одну и ту же этничность, называют одни и те же коды этничности, но смысловое наполнение этих кодов частично различается, что обусловлено контекстом социализации.